

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-140-146

КОНЦЕПТ КУХНЯ В СУЕВЕРНЫХ ПРИМЕТАХ

© Наиля Фаттахова

THE CONCEPT OF *KITCHEN* IN SUPERSTITION SIGNS

Nailya Fattakhova

The article considers the function specifics of the *kitchen* concept in the television series “The Blind” and “The Fortune Teller”, focused on the ritualization and sacralization of familiar and everyday objects and foodstuffs. The main purpose of the work is to identify the general patterns of formation and the concept functions of *kitchen* in television discourse, to establish the core and periphery of the conceptual field. To this end we should take into account the strategies and tactics of using superstition signs in television discourse. New, television, signs are formed according to the basic models of traditional signs, based on such principles as prediction, similarity and conditional-consequential semantics. Their specificity lies in the fact that they are focused on modern norms of everyday behavior. The analysis of television discourse makes it possible to identify a number of functions of modern superstition signs, such as prognostic, regulatory and identifying, which contribute to understanding why they underlie TV series. A superstition sign is considered as a script of the TV series based on everyday life situations, whose prediction actualizes the conceptual space of the *kitchen* token, enabling us to identify certain discrepancies with the traditional scheme of folk signs. We have found that the same sign can highlight different scenarios, schemes, frames through the prism of cultural, mental and social perception. The study is based on superstition signs (more than two hundred units), related to the concept of *kitchen*.

Keywords: television discourse, concept *kitchen*, superstition signs, block diagram, principle of analogy

Статья посвящена рассмотрению специфики функционирования концепта *кухня* в телевизионных сериалах «Слепая» и «Гадалка», ориентированных на ритуализацию и сакрализацию привычных и обыденных предметов и пищевых продуктов. Основная цель работы – выявить общие закономерности формирования и функционирования концепта *кухня* в телевизионном дискурсе, установить ядро и периферию концептуального поля. Особенность реализации данной цели связана с необходимостью учета стратегий и тактик использования суеверных примет в телевизионном дискурсе. Новые, телевизионные, приметы формируются по основным моделям традиционных примет с учетом таких принципов, как предсказательность, аналогичность и условно-следственная семантика. Специфичность их состоит в том, что они ориентированы на современные нормы бытового поведения. Установлено, что анализ телевизионного дискурса позволяет выявить ряд функций современных суеверных примет, таких как прогностическая, регуляторная, идентифицирующая, способствующих пониманию того, почему суеверные приметы лежат в основе сериалов. Суеверная примета рассматривается как сценарий сериала, основанный на бытовых, жизненных ситуациях, прогнозирование которых актуализирует концептуальное пространство лексемы *кухня*, помогая выявить определенные расхождения с традиционной схемой народной приметы. Выявлено, что одна и та же примета способна высвечивать различные сценарии, схемы, фреймы сквозь призму культурного, ментального и социального восприятия. Материалом для исследования послужили суеверные приметы (более двухсот единиц), соотнесенные с концептом *кухня*.

Ключевые слова: телевизионный дискурс, концепт *кухня*, суеверные приметы, структурная схема, принцип аналогии

Для цитирования: Фаттахова Н. Концепт *кухня* в суеверных приметах // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 140–146. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-140-146

Интерес к кулинарно-гастрономическому, или пищевому, коду культуры становится устойчиво актуальным как в одном конкретном языке

(М. Л. Ковшова, М. В. Добровольская, Е. Л. Березович, В. Н. Топоров, М. В. Гаврилова и др.), так и в сопоставительно-типологическом аспекте

(Ф. Х. Тарасова, О. А. Дормидонтова, М. В. Ундрцова и др.), поскольку данный код может рассматриваться как базовый, основной, код культуры. Обсуждение проблемы его репрезентации вне контекста суеверных примет представляется невозможным, поскольку *голод / еда* являются самыми древними инстинктами человека, нашедшими первоначально вербализацию именно в приметах. Анализ работ, посвященных пищевому коду культуры, свидетельствует о том, что суеверные приметы привлекали и привлекают внимание лингвистов, антропологов, фольклористов, социологов, психологов, однако новые, телевизионные, приметы практически не исследованы и не описаны.

Идентификация пищевого кода предполагает учет соотношения энциклопедических и языковых знаний, с одной стороны, и исследование имплицитных смыслов, передающих определенную национально-культурную информацию, поскольку пресуппозиции способны высветить закодированную, древнюю, информацию, с другой стороны.

Слово, репрезентирующее концепт *кухня*, в своем основном значении определяется как «отдельное помещение (в доме, квартире) с печью, плитой для приготовления пищи» [1, с. 316], включающей дифференциальные значения: «комплект мебели для такого помещения»; «подбор кушаний» [Там же, с. 316]. Кухня – это «повседневная бытовая реальность» [2, с. 259], поэтому не случайно появляются нормы и правила бытового поведения на кухне, которые касаются прежде всего взаимоотношений членов семьи, действий и манипуляций с предметами и едой, которые находятся на кухне.

Стратегия пищевого поведения человека на кухне в телевизионном дискурсе, с одной стороны, имплицитно ориентирована на мифологическое представление о взаимосвязи еды и человека, с другой – на базовые характеристики народных примет, включающие такие семантические признаки, как условно-следственное значение, предсказательность, аналогичность, обобщенность. Предполагается, что любая примета базируется на определенной модели или схеме, отражающей представление о мире, что позволяет формировать социальное поведение субъекта в определенном пространстве. Специфика становления наивной этики поведения на кухне отражена в суеверных приметах, зафиксированных в месяцесловах, календарях примет, сборниках пословиц, поговорок и примет. Несмотря на то, что приметы и суеверия в подобных сборниках часто рассматриваются как разные фольклорные единицы, четкой границы между ними нет, поскольку

ку в основе и примет, и суеверий лежит одна и та же схема «Если А, то предсказывает В». Собственно, приметы основаны на долгосрочных наблюдениях, к ним мы относим метеорологические и сельскохозяйственные приметы, в которых в целом отражается объективная картина условно-следственных отношений. Специфика функционирования подобных примет в разнотипных языках рассмотрена в работах Н. Н. Фаттаховой, М. А. Кульковой, К. Р. Вагнер, Н. И. Федоровой и др., ориентированных на изучение семантики, синтаксиса и прагматики «объективных» примет. Приметы определяются как «устойчивые конструкции, в которых запечатлен коллективный опыт взаимоотношений с природной средой определенного этноса, и построенный на основе данного опыта прогноз-предсказание» [3, с. 40]. Анализ суеверных, бытовых примет требует учета не только эксплицитной, внешней, структуры, но и имплицитной, сохраняющей отсылку к древним традициям, верованиям, ритуалам и обычаям. Подобный подход предполагает использование, кроме концептуального анализа, таких методов, как ассоциативный, оппозитивный и прототипический.

Суеверные приметы (как правило, бытовые или профессиональные) предполагают слепую веру в то, что разного рода предметы, вещи или действия самого человека могут привести к удаче / неудаче, счастью / несчастью, успеху / неудаче, богатству / бедности и пр., если не соблюдать правила поведения в определенном пространстве или во взаимоотношениях с другими людьми. Основной для них выступает схема «Нельзя А, иначе предвещает В», ориентированная на семантику запрета, тем не менее данная вариативная схема входит в общую, интегральную, схему «Если А, то предсказывает В», сравните: *Нельзя за внуком еду доедать – силу у него отберешь / Если за внуком еду доедать, силу у него отберешь* [4]; *Нельзя молоко на ночь пить – плохая примета, к обману / Тот, кто молоко на ночь пьет, всегда обманут будет / Если молоко на ночь пить, обманутым будешь* [5]. Специфична правая часть конструкций, поскольку, в отличие от традиционных примет, прошедших проверку временем, в таких «псевдоприметах» следствие индивидуализируется, оно привязано к конкретному субъекту, герою определенного телевизионного сериала. При этом нет оснований для того, чтобы примета приобрела семантику обобщенности, поскольку мы ориентируемся только на знания одного конкретного человека, транслятора имплицитных знаний. Тем не менее, новые, телевизионные, приметы акцентируют

наше внимание на современных представлениях о нормах поведения на кухне.

Ядерное пространство концепта формируется ключевым словом *кухня*, репрезентирующим в приметах центральную оппозицию мужское / женское. Как известно, пространство в доме было четко разделено на мужскую и женскую территорию, в частности, кухня — это место, где господствует женщина. Ее поведение на кухне, включающее приготовление пищи, взаимодействие с членами семьи и чужими, было способно стимулировать как хорошие, так и плохие последствия правильного / неправильного поведения. Одним из основных постулатов деятельности женщины на кухне был тот, что запрещал допуск туда чужих женщин, поскольку они способны разрушить семью, украсть женское счастье, потому что, как утверждает пословица: «Путь к сердцу мужчины лежит через желудок» [6, с. 210]: *Плохо, когда чужая женщина на кухне хозяйничает, так хозяйка всего лишиться может (Если чужая женщина на кухне хозяйничает — это плохая примета: хозяйка всего лишиться может / Нельзя чужой женщине на кухне хозяйничать, так хозяйка всего лишиться может)* [4]. На кухне нет места и мужчине, поскольку мужское пространство за пределами дома: *Нельзя мужчине самому капусту квасить — навсегда одиноким остаться может (Если мужчина сам капусту квасит, навсегда одиноким остаться может); Если мужчина сам посуду моет — от этого разные несчастья случаться будут* [Там же].

Очень важен был ритуал приготовления и потребления пищи. Анализ толковых словарей свидетельствует, что слова *еда* и *пища* рассматриваются как синонимы, однако в русской ментальности *пища* характеризуется как «необходимое для поддержания жизни и духа питание» [7, с. 21]. Для поддержания благополучия в семье женщина должна была сама готовить еду и кормить мужа: *Женщина должна еду дома готовить и кормить мужа хотя бы раз в день — тогда семья счастлива будет (Если женщина сама еду дома готовит и кормит мужа хотя бы раз в день, семья счастливой будет); Чтобы семья крепкой была, жена должна сама мужу еду накладывать — примета такая есть; Нельзя, чтобы чужая женщина еду солила, иначе чужая место в доме займет вместо жены (Если чужая женщина еду солит, она место жены в доме займет); Нельзя, чтобы одна женщина за другой готовку заканчивала, иначе их жизнь разрушится* [4]. Умение готовить рассматривается как одно из основных, фундаментальных способностей женщины, поскольку «традиционно женскими в

русской культуре считаются те сферы деятельности, которые связаны с... приготовлением пищи» [8, с. 120]. Если же женщина не умеет готовить или вместо нее готовит чужая женщина, то она обречена на одиночество, не сможет выйти замуж, или она обманывает мужа, в любом случае все предсказания негативные: *Если женщина сама не готовит, мужчины не будут ее замечать; Если в доме вместо жены еду посторонняя женщина готовит, значит, жена мужа обмануть хочет* [4].

В фокусе внимания пищевого кода разного рода бинарные оппозиции, моделирующие семантику запрета, предостережения, предсказания, например, *свой / чужой, правда / ложь, полный / пустой, сладкий / горький, одинаковый / разный, горячий / холодный* и др. Как правило, подобного рода приметы формируются с учетом принципа аналогии, когда «определенная вещь, предмет, поведение являются условием для возникновения определенной ситуации, как правило, негативной в жизни героев сериала» [9, с. 126]: *Нельзя недопитый чай в чашке оставлять, иначе жизнь будет неполной (недопитый / неполный); Если хранить столовые предметы вперемешку, а не разобранными, то и в жизни все перемешаться может (вперемешку / перемешаться); Нельзя готовить впрок — это может разрушить отношения (свежая еда — свежие отношения)* [4]. При этом смысловой ряд приметы может содержать рекомендацию того, как избежать негативных последствий неправильных действий, например: *Если неполный набор столовых предметов заменить на полный, то вся семья соберется вместе* [Там же].

Ритуал принятия пищи в суеверных приметах отражает прежде всего регуляторную функцию, поскольку фиксирует представление о том, что *правильно / неправильно* в поведении индивида: *Пока ужинать не начнешь, все тебя обманывать будут* [Там же]. Умение вести себя за столом, соблюдать правила приличия способствовало удаче / неудаче в семейной и личной жизни: *Нельзя за едой проблемы обсуждать — это может привести к проблемам в жизни; Кто громко ест, тот всей правды о себе не узнает* [Там же]; *Кофе на себя пролить — плохая примета, к денежным потерям и несчастьем* [5]. Чтобы сохранить отношения между мужем и женой, нужно было соблюдать правила принятия пищи, в основе которых часто лежали гигиенические требования: *Нельзя с любимым из одной тарелки есть, иначе расстанетесь; Нельзя чай допивать друг за другом (мужу за женой, жене за мужем) — это к обману; У мужчины своя ложка должна быть, иначе жить ему в обмане* [4].

Успех, удача, спокойная и счастливая семейная жизнь регламентируются не только взаимоотношениями между членами семьи, но и отношением к кухонной утвари. Существует возможность предсказать определенные поступки индивида, если придерживаться некоторых правил поведения на кухне: *Нельзя оставлять грязную пустую посуду – это к ссоре и разладу в семье // Там, где копится много грязной посуды, счастье из дома уходит; Нельзя сор со стола рукой сметать, иначе одна останешься; Чтобы между супругами мир был, у них должны быть одинаковые чашки* [Там же]. Некоторые столовые приборы требовали особого отношения, это касается в первую очередь ножей, поскольку нож – это режущий, колющий, рубящий инструмент: *Тупые ножи в доме плохая примета – рано или поздно чувства одного или другого могут притупиться; Если острый нож точить, из-за всякого пустяка ссоры в доме будут ; Нельзя уносить ножи из дома – это плохая примета, к беде; Если во время еды нож не использовать, а только вилкой пользоваться, одной можно остаться* [Там же]. Часть примет носит иррациональный характер, не объяснимый с точки зрения современной логики, например, в примете типа: *Если в доме чашки есть, на которых синим нарисовано, не будет у женщины счастья и любви* [Там же] – функция предсказания и предостережения связана с синим цветом, который, как правило, трактуется как символ благородства, преданности, мира [10, с. 181]. Видимо, здесь проявилось индивидуальное неприятие синего цвета у авторов сериала.

Периферийный слой концепта создается словами *еда / пища*. В суеверных приметах отражаются скрытые ментальные представления о пищевых продуктах, об их особой символической роли в национальной кухне. Хотя телевизионные герои проживают в определенном предметном мире, сложно выявить символическое значение *еды / пищи*, поскольку первичным является утилитарное, практическое значение еды. Символическое значение связано с умением просчитать, предвидеть последствия *правильного / неправильного* обращения с пищевыми продуктами, оно отражается в суеверных приметах, в которых интерпретируются те или иные действия индивида. Определенные продукты, специи, плоды растений рекомендуются держать дома, использовать во время приготовления пищи: *Дома нужно орехи держать – в доме будет мир и покой; В доме обязательно должен быть лавровый лист – к счастью и благополучию; В доме держать четыре сливы – к достатку и удаче* [5].

Если такие продукты, как *хлеб, соль, чай*, виды пищи (*каша*) нашли отражение в традиционных суеверных приметах, основанных на древнейших представлениях и мифах о еде, то телевизионные приметы основаны на продуктах, близких современному человеку. Основным принципом их формирования выступает принцип аналогии, когда учитывается скрытое, свернутое представление о том или ином предмете. К таким пищевым продуктам относятся *конфеты, сахар, апельсин, помидоры, огурцы, чеснок, виноград, вишня, груша*, к видам пищи относятся *пирог, торт, пирожные* и т. п.

Самыми частотными являются телевизионные приметы с традиционными компонентами *соль, хлеб, чай*, которые получают новое прочтение с учетом не только функции предсказания, но и регуляторной, нормативной функции, учитывающей оппозиции: *польза / вред, норма / не норма*: *Если в вашем доме соль в открытой посуде стоит – к обману; Нельзя чай холодной водой разбавлять / Ведь чай водой разбавлять – счастья в любви не знать; Чай на стол пролить – про близких нечаянно правду узнать / Тот, кто чай на стол проливает, скоро узнает правду о близком человеке; Тот, кто от хлеба отказывается, самое главное в жизни теряет; Недоеденный хлеб выбрасывать – плохая примета, к набору веса; Птиц или зерном, или черствым хлебом кормить надо / Кто свежим хлебом кормит, тот несчастье на себя навлечет* [4]. Определенные продукты могут выступать как маркеры отношений между мужчиной и женщиной, они способны предсказать будущее: *Если в пятницу мужчине пирогом накормить и пирог мужчине понравится, судьба тебе с ним быть; Если мужчина у женщины суп ест в гостях и суп ему нравится, они могут счастливо прожить вместе* [Там же].

Особого отношения требуют не только продукты, но и предметы, которые используются в процессе чаепития: *Дарить чайник (заварник) – плохая примета / Нельзя дарить супругам заварочный чайник – это к разладу в семье; Если в доме чашки и блюда от разных пар, хозяева во лжи жить будут; Если ложку из чашки, когда пьешь, не вынимаешь, главное в своей жизни не замечаешь; Если гость чашку любимую разобьет, нечистые помыслы у него могут быть; Если дно чашки после гостя потемнело, против тебя у него злые помыслы* [Там же].

Практически любой пищевой продукт может приобрести знаковую функцию в суеверных приметах, если он соответствует требованиям аналогии или выполняет символическую функцию. Одним из самых востребованных вербаль-

ных знаков суеверных примет выступает сладкий вкус, свойственный конфетам, тортам, пирожным и пр. Бинарная оппозиция *сладкий / горький* проецируется на жизненные проблемы индивида: если он отказывается от сладкого в жизни, то ждут его только горькое разочарование, неудача, несчастье или ссора с родными и близкими. Прогностическая функция приметы реализуется в таком сценарии, когда сладкое рассматривается как оберег, защита, символ благополучной жизни и успешной профессиональной деятельности, поскольку, по мнению ясновидящей, *сахар раскрывает все тайны: Когда в доме сладкого нет, ждет того человека только горькая правда; Нельзя девушку горьким шоколадом угощать – отношения не сложатся; Если человек несладкий чай пьет, ему есть что скрывать* [4]; *Для того чтобы дела в гору шли, надо клиентов сладким угощать* [5]. Частотны приметы с лексемой *конфета*, поскольку это символ сладкой, то есть успешной, жизни как личной, так и профессиональной: *Если рассыпать конфеты из кульки на пол – это к решению всех проблем; Чтобы наладить отношения, нужно угостить конфетой* [4]. При этом фантики от конфет могли принести неудачу в жизни, поскольку они были пустыми, лишь оболочкой от символа сладкой, успешной жизни: *Нельзя фантики с собой носить – это приводит к неудачам / Фантики хранить – все потерять / Если фантики от конфет с собой носить, то многое в жизни можно потерять* [Там же].

Сладкий продукт нужно хранить дома, нельзя его переносить за порог, отдавать чужим людям: *Если сахар из дома отдавать, это приведет к ссорам* [4]. Компонент *сладкий* эксплицирует не только стратегии, направленные на успех: *Если женщина хочет мужчину к себе привязать, ей при первой встрече нужно его сладким угостить*, но отражает и противоположное значение – возможность обмана: *Если женщина мужчину сладостями с руки кормит, то легко обмануть его может* [Там же]. Чтобы избежать обмана, несчастья, неудачи в жизни, нужно, чтобы сахарница всегда была полной: *Если сахарница пустая, то и жизнь будет пустой (Вижу сахарница у тебя пустая часто стоит, поэтому и жизнь у тебя пустая, безрадостная)* [Там же]. Указание на горький вкус как символ неудачи, неуспеха в жизни может быть имплицировано, семантику запрета индивид должен восстановить самостоятельно: *Если на завтрак только кофе пьешь, тебя легко обмануть можно* [Там же]. Не только горький, но и острый вкус способен привести к неприятностям: *Тот, кто сильно острит еду, сам на себя неприятности навлекает* [Там

же]. Снять негативную энергию помогает лавровый лист, поскольку он символизирует «...мир, очищение, защиту...» [11, с. 743]: *Если держать дома лавровый лист, то трудно вас обмануть. Горький продукт может выступать и в роли оберега: Если хотите отложить визит нежеланного гостя, насыпьте под порог черного перца* [5]. Для достижения противоположного эффекта следует использовать сладкий вкус: *Если сахарный песок перед дверью рассыпать, можно привлечь много хороших и щедрых гостей* [4].

Следует помнить, что содержащееся в примете предсказание может быть восстановлено индивидом только в том случае, если есть отсылка к предшествующему опыту, имеющему определенную культурную интерпретацию. Как нужно воспринимать примету, прочитывать ее скрытый смысл? Насколько культурная семантика того или иного предмета, продукта соответствует пониманию индивида? Как правило, телевизионные приметы строятся с учетом значения, актуального лишь для создателей телевизионного сериала. При этом учитываются все структурные признаки суеверных примет, прежде всего, принципы аналогичности: *Никогда не ешьте остывшую еду, иначе встретите холодное сердце и всю жизнь проживете без любви (остывшая еда / холодное сердце)* [4]; или бинарности: *Если женщина мужчине чеснок чистит, вместе им не быть, надо сладкий пирог испечь (горький / сладкий)* [Там же], однако есть и противоположное утверждение: *Кто торты, пирожные утром ест, тот в нищете живет* [Там же], когда отсылка к сладкому не работает, хотя, казалось бы, тот, кто может позволить себе есть сладкое с утра, должен быть богатым. Здесь, видимо, есть отсылка к нормам правильного питания, так популярного в настоящее время.

Прототипический мир суеверной картины мира ориентируется на сложившиеся символические значения определенных пищевых продуктов, восстанавливая часто забытую семантику. Часть пищевых продуктов, таких как фрукты и овощи, например, *яблоко, апельсин*, имеют определенное символическое значение: «Яблоко олицетворяет любовь, брак, молодость плодородие, долголетие или бессмертие» [11, с. 756]. «Апельсин ассоциируется с великолепием и любовью, символ брака» [Там же, с. 730], поэтому существование примет с данными фруктами мотивировано символической семантикой: *Если девушке яблоко спелое снится, значит, ее скоро любовь ждет* [5]; *Чтобы у человека тайну узнать, яблоком угостить надо; Если надкусанное яблок оказалось червивым, значит, много вокруг тебя обмана; Если яблоки рассыпать – удача ждет*

Апельсин удачу приносит, но если сам его чистишь. Если апельсин чистит другой, удачу свою ему отдаешь и несчастье можешь накликать [4].

Таким образом, телевизионные приметы, связанные с пищевым кодом культуры и формирующие концепт *кухня*, базируются на основной модели народной приметы «Если А, то предсказывает В», что позволяет рассматривать их особую разновидность, формально сохраняющую все признаки традиционных примет. С другой стороны, для выявления специфики телевизионных примет необходимо выявить те стратегии и тактики, которые позволяют новым приметам стать центром телевизионного сериала, который, как правило, отражает определенную жизненную ситуацию. Идентификация приметы в составе сериала формируется через обращение к индивидуальному опыту конкретного индивидуума, который обобщается и транслируется как реальный факт жизни для любого зрителя. Все приметы интерпретируются через традиционные знания, позволяющие включить «псевдоприметы» в уже существующую систему. Такие приметы создают иллюзию, что можно предвидеть последствия определенных поступков, если знать знаки, скоординированные с наивной этикой поведения на кухне.

Список источников

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. дополненное. Москва: Азбуковник, 1999. 944 с.
2. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2002. 768 с.
3. Фаттахова Н. Н., Кулькова М. А. Народные приметы в разноструктурных языках: монография М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 248 с.
4. Телесериал «Слепая». URL: <https://rutube.ru/metainfo/tv/2237/> (дата обращения: 01.12. 2024). (Идея создания данного проекта принадлежит актрисе и продюсеру Татьяне Мартыановой, режиссерами же выступает целая команда создателей).
5. Телесериал «Гадалка». URL: <https://dzen.ru/a/YECF1UtMdTcmgD70> (дата обращения: 01.12. 2024). (Режиссёрами являются Елена Кузнецова и Найчук (она же и автор сценария)).
6. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. Москва: АСТ-ПРЕСС, 2012. 736 с.
7. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2-х т. Т.1. Петербург: Златоуст, 2014. 505 с.

8. Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности: учебное пособие; отв. ред. М. В. Пименова. Изд. 3-е, доп. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. (Серия «Концептуальные исследования. Вып.14»). 136 с.

9. Фаттахова Н. Н. Бытовые приметы в телевизионном дискурсе // Филология и культура. Philology and Culture. 2021, №4 (66). С.125–129.

10. Панкеев И. Тайны русских суеверий. М.: Яуза, 1997. 200 с.

11. Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Сова, 2007. 1007 с.

References

1. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1999). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 944p. 4-e izd. dopolnennoe. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)
2. Lotman, Yu. M. (2002). *Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. 768 p. St. Petersburg, "Iskusstvo – SPB". (In Russian)
3. Fattakhova, N. N., Kul'kova, M. A. (2013). *Narodnye primety v raznostrukturnykh yazykakh: monografiya* [Folk Signs in Languages of Different Structures: A Monograph]. 248 p. Moscow, FLINTA, Nauka. (In Russian)
4. *Slepaya* [The Blind]. URL: <https://rutube.ru/metainfo/tv/2237/> (accessed: 01.12. 2024). (In Russian)
5. *Gadalka* [The Fortune Teller]. URL: <https://dzen.ru/a/YECF1UtMdTcmgD70> (accessed: 01.12. 2024). (In Russian)
6. *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazhenii* (2012) [A Thesaurus Dictionary of Russian Proverbs, Sayings and Apt Expressions]. 736 p. Moscow, AST-PRESS. (In Russian)
7. Kolesov, V. V., Kolesova, D. V., Haritonov A. A. (2014). *Slovar' russkoi mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. 505 p. V 2-kh t. T. 1. St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)
8. Kolesov, V. V., Pimenova, M. V. (2011). *Yazykovye osnovy russkoi mental'nosti: uchebnoe posobie* [Linguistic Foundations of Russian Mentality: A Study Guide]. Otv. red. M. V. Pimenova. 136 p. Izd. 3-e, dop. St. Petersburg, SPbGU (Seriya "Kontseptual'nye issledovaniya". Vyp. 14). (In Russian)
9. Fattakhova, N. N. (2021) *Bytovye primety v televizionnom diskurse* [Omens of Everyday Life in Television Discourse]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 4 (66), pp. 125–129. (In Russian)
10. Pankeev, I. (1997). *Tainy russkikh sueverii* [Secrets of Russian Superstitions]. 200 p. Moscow, Yauza. (In Russian)
11. *Enstiklopediya simvolov* (2007) [Encyclopedia of Symbols]. Sost. V. M. Roshal'. 1007 p. Moscow, AST; St. Petersburg, Sova. (In Russian)

The article was submitted on 13.01.2025
Поступила в редакцию 13.01.2025

Фаттахова Наиля Нурийхановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
n-fattahova@mail.ru

Fattakhova Nailya Nuryikhanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
n-fattahova@mail.ru